

Страницы жизни села

Юрий
Панов
ОЧЕРК

Страница первая

Многие живых свидетелей рождения Октября в селе Смолино. В тот легендарный год они были молоды. Они не шли на штурм Зимнего, не сражались на баррикадах Москвы. Но скоро и до этого села докатилась весть о свержении старого мира. И они стали участниками борьбы за землю и волю.

Власть в селе часто менялась. Наши смеялись белых, а белые — красных. Через село то и дело двигались обозы военных. Порой трудно было разобраться, где свои, где чужие. И дело доходило до смешных курьезов. Жил в селе прискоковский рабочий Степан Кисмеев. Он один из первых встречал вступающих в село. Мужик был разбитной, вездесущий и довольно смелый. Подошел он однажды к командиру проходящего обоза, они показались ему своими, и назвал его товарищем. Так он обращался ко всем и ему было все равно, какая власть будет в его селе. Он встречал тех и других. На этот раз оказались белые. Белому офицеру не понравилось такое обращение и в один миг Степан от сильного удара перелетел через оглобли саней. И только после этого он понял, какая власть ему ближе, стал разбираться, где свои и где чужие.

Совсем еще мальчишкой Никифор Черняков по какому-то делу поехал в Граковку. Еще издали он увидел, как ровными столбами в небо поднимался дым множества костров. Возвращаться было уже поздно, пришлось въехать в село. Солдаты небольшими группами сидели вокруг тлеющих костров. Рядом стояло множество лошадей, груженные повозки, суетились люди. Все сразу же заметили новые розвальни Никифора. К одной группе он подошел сам. Надо было выяснять, к кому он попал, а прямого вопроса не задашь, надо было что-то придумать, а в случае и выкру-

титься, если окажутся белые: свои-то не тронут, отпустят подобру-поздорову. Не раз ему и до этого приходилось встречаться и с теми, и с другими.

— Где бы покормить лошадей? — спросил он солдат, окруживших плотно небольшой костер на снегу.

Солдаты с любопытством посмотрели на ладного паренка. Кого-то кликнули. Подошел белый офицер. И тут Никифор почувствовал, как по всему телу пробежала холодная дрожь. «Влип! Вот так влип, — подумал он. В самое пекло... Сам пришел».

— Пошли, — сказал офицер. Несколько повозок тронулись в сторону от села. Подъехали к большой скирде сена.

— Накладывай! — командовал офицер. Быстро наложив сено повозок на десять и опять в село. Рядом был лес. Никифор посмотрел в ту сторону. «Вот бы туда, а там-то он ушел бы». Да куда тут! Белый офицер был далеко не в миролюбивом настроении. «Ну и влип», — опять подумал Никифор уже с заметной грустью.

Белый офицер чиркнул спичкой, и в один миг злые языки пламени окутали оставшееся сено. В селе было оживленно. Время клонилось к вечеру. Краем уха Никифор услышал, что где-то совсем рядом красные, и они не сегодня-завтра будут здесь. Готовилось отступление. На сани Никифору нагрузили ящики с патронами. Он тоскливо смотрел на дорогу. Воевать, да еще на стороне белых, он совсем не собирался, а сбежать было невозможно, кругом солдаты, а в конце деревни и на дороге стоят часовые. Но сбежать надо было во что бы то ни стало. И как можно быстрее, пока не началось отступление. Потом будет поздно, потом, как ему казалось, шансов на победу будет еще меньше.

Зимние сумерки быстро окутали землю. По всей деревне все так же сидели у костров. Беспорядочной цепочкой красных огоньков разбросаны они были и на

той и на этой стороне реки. Никифор устроился у самого моста, ближе к дороге. В розвальнях завернуты четыре ковряжки, есть хочется, а попробуй выпить, отберут сразу, вот и приходится голодать. А на костре в котелке дымилась сладко пахнущая овсяная каша.

— Иди, отведай, — сказал пожилой солдат. Никифор подошел к костру. Солдат наложил ему горячей каши.

— Хлеба нет, не обессудь. Расспросил, откуда прибыл и пошто оказался здесь, в этом пекле белогвардейщины. Солдат был добрым, показалось Никифору, и он рассказал ему обо всем.

— Значит, домой хочешь? — спросил он. Никифор кивнул.

— Да, брат, плохи твои дела. Отсюда трудно уйти. Я помог бы, но надо выкуп. Вот был бы у тебя хлеб, тогда другой разговор.

Глаза Никифора блестяще радостной надеждой.

— Есть, — тихо сказал он. — Одна ковряжка.

— Одной-то, брат, мало. Вот если розвальни в придачу...

Розвальни были новые и Никифору не очень-то хотелось с ними расставаться. Но старый солдат был неумолим. Предложил в замен старые, развалившиеся. А чтоб не распались в дороге, обил дощками. Пришлось согласиться.

— А как же я поеду, — спросил Никифор.

Старый солдат достал ему пропуск. В нем было написано: «За сеном». И в темноте Никифор тронулся к воротам.

— Куда? — спросил часовой.

— Да вот, за сеном послали.

Часовой посмотрел пропуск, поверил молодому парню и открыл ворота.

— Да побыстрой! — услышал Никифор. — Черевен час, красные подойдут.

На душе было беспокойно. «Может, обманул», — думал Никифор. Ехал тихо, с опаской вглядываясь в темноту,

Вокруг тишина и только скрип деревянных полозьев о снег, да стук собственного сердца. Уже далеко за селом впереди послышались глухие винтовочные выстрелы. Беспорядочная стрельба усиливалась. Дальше ехать было опасно и Никифор свернул в сторону мельницы устьишимского купца Шапошаникова. Оттуда была прямая дорога через лес в Смолино.

Наемный мельник Алексей беспробудно пил, но слыл хорошим мастером своего дела, и молва о нем шла по всей округе. Знал его и Никифор. Ему приходилось возить сюда хлеб, и его Алексей обманывал не раз. Вот его и встретил Никифор у мельницы первым. Поинтересовался, куда это паренек скачет в такую беспокойную ночь.

— Молчать, — коротко ответил Никифор. У мельницы толпились белые. Они не обратили особого внимания на приезжего, были заняты своей работой и торопили мельников. Алексей посмотрел на розвальни, хитровато осматрелся: «Понимаю, мол, сбегаешь». А вслух сказал: — Сегодня казенную муку мелем, приедешь позднее.

Этого и надо было Никифору. Проезжая, он услышал разговор белых: — Красные в Слободичках, надо быстрее сматываться отсюда.

В Смолино Никифор Черняков приехал под утро. Стрельба давно стихла, и начинался самый обычный зимний день. Еще издали Никифор увидел как над трубами многих домов поднимался серебристый дым. Заботливые хозяйки хлопотали у своих печей. Перепуганные вчерашней стрельбой петухи опять будили село, словно ничего и не произошло. Казалось, все было как и прежде.

Однако изменилось за ночь многое. Рядом с селом был сильный бой и белым пришлось отступить, ушли в сторону Тары. На улицах горели костры. И как в Граковке, вокруг костров толпились люди с винтовками, но

многие из них были не в военной форме: простые шубы с красными, через плечо, лентами. И они более миролюбиво выглядели. К кострам из домов выходили со свертками мужики, отдавая последний хлеб.

Никифора остановили. К савям подошел крепкий мужик, внимательно оглядел парня, поинтересовался, откуда и зачем сюда. Мужик был очень высокого роста и смотрел Никифор на него из под теплой меховой шапки снизу вверх.

— Вот шапка у тебя ладная, Махнем? — парень снял с Никифора теплую ушанку и надел на него свою, маленькую, давно отслужившую свой срок. От этого Никифору стало еще холоднее. Парень похлопал его по плечу и пошел к столпившейся группе у костра. — Такого поворота Никифор никак не ожидал, да еще от красных. «А кто их разберет: кто свои, кто чужие», — в сердцах подумал Никифор и тронулся к своему дому.

Отдохнуть не пришлось. Никифора опять взяли в обоз. Нагрузили в розвальни ящики с патронами точь в точь, как у белых, и двинулись в Орехово. Вместе с Никифором с обозом ушли его односельчане Тимофей Раздуйев и Гавриил Семенов. Все трое попали в обоз. В Орехово состоялся митинг. Перед собравшимися выступил председатель волостного ма Зонов. На Увате оставшиеся банды белых подняли восстание, свергли Советскую власть. И обоз через болото направился на подавление мятежа.

Бой был сильным. Белые намного превосходили в силе и вооружении. Нашим пришлось скрыться в лесах. Не сведущие в военном деле трое парней из Смолино оказались одни. Со всех концов стреляли. Оставаться было опасно, отступать не знали куда.

— Давай, ребята, домой! А то ни за что, ни про что положим здесь свои головы. И трое пустых саней скры-

лись в лесу. В дороге Семенов и Раздуйев оставили Никифора позади и первыми вернулись в Орехово. У Никифора лошадь была старая и он с трудом добрался на вторые сутки.

В Орехово Никифор предстал перед Зоновым. Рассказал, как и что произошло, объяснил, почему отстал от товарищей, и получил новое задание.

— Вот эти четыре пакета срочно доставишь в Кайлы, — сказал Зонов.

В дороге Никифор осторожно осмотрел пакеты. На каждом было несколько сургучных печатей. Таких «важных» пакетов он еще никогда не видел. И ехал осторожно, все время оглядываясь по сторонам, боясь и за себя и за пакеты.

За Таласушкой послышались выстрелы. Путь был отрезан. Оружия у Никифора не было никакого и ехать дальше побоялся, да и пакеты... Он свернул с дороги, спрятал их в глубокий сугроб и тронулся в обратный путь, в родное село. Красных в Орехово уже не было, не успели подойти и белые.

Зимой 1921 года в селе появился известный бандит Парыгин. Пришел из Ильинки один. Быстро собрал всех мужиков, угрожая пистолетом без курка. Собрание проходило в доме Макара Щитова. Все с опаской смотрели на огромного рыжего детину со зло сверкающими глазами. — Пойдете воевать, — коротко сказал бандит.

— Как воевать? Против кого? — послышалось из толпы.

— За Советскую власть, но без коммунистов.

Штаб организовали в доме у Никифора Лаптева. В банду вошли несколько мужиков, которых выбрал сам атаман. Одеты все были в чмбаны и шабуры. Оружием служили вилы, пешви.

Первым заданием бандита Парыгина было выявить всех сочувствующих коммунистам, садить их в баню и дымокурить. В Смолино жертвой

стал Алексей Корякин. Его закрыли в бане, но скоро освободили свои люди. После освобождения он возглавил борьбу против банды. На подавление этой банды из Тавы шел отряд красногвардейцев во главе с Черепановым.

В селе в это время шло собрание. Выступал Корякин.

Со стороны Тавы послышались винтовочные выстрелы, а вскоре собрание было окружено всадниками и тачанкой. Все красноармейцы были с красными лентами через плечо. Сам Черепанов выделялся из всех огромным ростом и большой ненавистью к врагам революции. По его команде боец направил пулемет на тесно сбившуюся толпу мужиков и вхолостую дал трескучую дробь очереди. В толпе вздрогнули. Вскоре были выявлены все участники банды Парыгина.

Тимофея Бузмакова решили расстрелять на глазах у всего села. Он встал у ворот сивинкой к односельчанам.

— Поворачивайся лицом к народу, — командовал Черепанов. — Пусть народ даст тебе приговор.

В толпе послышался плач. Черепанов изменил свое решение расстреливать участников банды в родном селе и отправил их под охраной в Слободички. Вскоре Федота Иванова, Тимофея Бузмакова, Федота Щитова, Максима Тарасова и многих других там расстреляли как врагов революции.

С весны 1921 года в Смолино уже навсегда установилась Советская власть. Вскоре крестьяне приступили к севу. Многие объединились в так называемые инициативные группы. Эти несколько групп и были первыми ласточками коллективного труда. С них и начинается новая история, которая освободила крестьян от тяжелого и изнурительного труда на местных кулаков. Эта же весна дала им свободу и землю.

(Продолжение следует).

Страница вторая

(Продолжение. Начало
в № 85)

День начинался рано. До петухов. Крестьянин петухам не верит. Петухи могут проспать, а ему проспать нельзя. Торопливым шагом пройдет он по тропинке далеко за село к своему травостю. Очень спокойно в утренних сумерках осматривает свою делянку и начнет размеренно и звонко править косу. Потом послышится побрякивание и мягкий потяг леза по траве.

Смолинские леса травостойные, поэтому испокон веков здесь устраиваются сенокосы. Опять же косцы валют траву по росе, до восхода солнца, и уже, как крайность, по вечерней зорьке. Но он был один в большой крестьянской семье и работал, не считаясь со временем.

Мяско припадая на правую ногу и смачно побрякивая, по луговине ходил косец. От полуденного зноя и великого старания в работе на его плечах взмокла и почернела рубаха, тучи мошкеры и слепней вились над ним, лезли в лицо, жалили шею и руки. Человек не обращал на них внимания. Он работал. Работал так, как может только отдаваться труду сызмальства привыкший любить землю. Он проходил ряд единым духом, походя вытирал рукавом рубахи жаркое красное лицо, быстро направлял косу и снова валил траву. Казалось, человек не косил, а слагал песню, широкую и красивую.

Где-то, по соседству за лозняком точно также работали другие мужики. И тоже в одиночку, а в крайнем случае со старшим своим сыном. Покосы длились несколько дней кряду. И только когда трава хорошо подсыхла, крестьянин запрягал лошадей, укладывая вилы, грабли, размеренно и неторопливо усаживались всей семьей и отправлялись на свои уголья. И целыми днями работали и мал, и стар.

Видимо, в самом человеке заложено такое чувство, что не может он долго жить и работать в одиночку. И скоро в Смолино стали создаваться инициативные груп-

пы. Объединялись несколько семей в небольшие артели. Совместо обрабатывали свою землю, растили хлеб, а урожаи делили поровну. Со временем эти группы стали укрупняться. Организовалась первая коммуна «Искра». Но она вскоре распалась.

Колхоз в Смолино был создан в 1931 году. Вступили в основном бедные крестьяне. Кулаки и крестьяне побогаче решили жить особняком, в стороне от нового. Но вскоре они были высланы на Вастюганские болота. Местные кулаки Григорий Семенов, Иван и Макар Щитовы и многие другие были раскулачены. Все техника, лошади стали общественными.

Одними из первых в колхоз вступили Степан Федорович Иванов, Терентий Петрович и Игнат Петрович Щитовы, Александр Андрианович Боровиков, Никифор Петрович Смолдин. Сразу же организована была ферма. Только Александр Боровиков привел на общественную ферму пять рабочих лошадей и три коровы. Сдавали свой скот и другие колхозники.

Первым председателем в Смолино был Тимофей Семенович Раздубев. Более 20 лет он руководил бесценно колхозом «Большевикский путь». Первым бригадиром был назначен Степан Иванов. На этой должности он проработал много лет, потом трудился на разных работах, испробовав, таким образом, все профессии нелегкого крестьянского труда. Сейчас он пенсионер, но

продолжает работать, помогает молодым.

Техники было довольно мало. Пахоту, в основном, приходилось проводить деревянными сохами. Сейчас их нет и в помине. И молодежь уже никогда не увидит их, а в то время эти деревянные сохи были основным инструментом колхозного производства. Ручные веялки купили позднее. В первый год организации выделили колхозу четыре металлических плуга. Это было большим событием в жизни Смолино.

Первый весенний сев проводили семенами членов артели. Весь оставшийся хлеб свозили в общественные амбары.

Перед посевной было проведено общее собрание. В поле вышли с песнями и флагами.

Рядом с амбарами построили кузницу. Кузнецы были наемные. Но уже в тот год Иван Никифорович Щитов, Яков Гаврилович Семенов и Александр Боровиков освоили мастерство кузнеца. Это были первые специалисты в селе. И первыми механизаторами в колхозе стали Иван Реховский, Николай Раздубев, Андрей Щитов.

В колхозе были созданы три бригады. В каждой бригаде было по 25 рабочих лошадей. Между бригадами развернулось соревнование. Каждая на бригаду стре-

милась быстрее закончить работы.

Хорошо шла работа и на ферме. Первыми доярками были Авдотья Степановна Щитова, Елена Егоровна Иванова, Мария Степановна Щитова, Телятницей работала Елена Кирилловна Кузбина. Многие из этих первых животноводов проработали на ферме много лет, позднее свой многолетний опыт передали молодым животноводам, научили их трудному и хлопотливому труду, научили любить свою профессию.

Особенно горячие дни наступали во время заготовки сена и уборки урожая. Дневная норма на каждого рабочего на сенокосе была 25—40 соток. На сенокос уже выезжали всем селом. Сенокос продолжался целый месяц. И все эти дни там шла напряженная работа. Домой едешь только для того, чтобы погавиться на хозяйстве. Бригадир за выход на работу ежедневно делал метку на ручке литовки косаря.

Выплачивали по трудовым в конце года. В первый год колхозники получили на каждый трудодень по 800 граммов хлеба. После этого многие одиночки вошли в колхоз, а уже со второй весны после коллективизации в Смолино не было ни одного частного хозяйства.

Очень часто и сейчас у кого-нибудь на дому собираются ветераны этого колхоза поговорить о сегодняшних заботах и невольно вспомина-

ют первые годы становления колхоза. Женщины вспоминают о том, как оставляли грудных детей в куче снопов и не разгибаясь жали и вязали с рассвета и до позднего вечера. И как зимой из-под снега собирали лен, и о многом другом.

Многое пришлось пережить в то время женщинам. Они радовались, когда хорошо и споро шла работа, когда сама работа была песней — песней труда. А порой чуть ли не плакали от неимоверной усталости и незаслуженных обид. Их огрубевшие жилистые руки познали все работы, они уставали, но не жаловались, не искали сочувствия и не кляли свою судьбу. Они не думали о себе, не часто одевались в свои лучшие наряды и очень мало отдыхали. Они понимали, что им трудно только потому, что они первые в большом и важном деле. И как всем первооткрывателям им было тоже трудно. Но они знали, что за ними пойдут их дети.

И для того, чтобы было им потом легко, они позабывали о своей молодости, о своем личном счастье и о своем здоровье.

Вспоминают и мужчины. Борозды черной вспаханной земли и первый сев, невысокую щетину свежей зелени всходов и колышущиеся поля спелых хлебов. Ночной рокот молотилок и тяжелые мешки с хлебом. Вспоминают осеннюю слякоть бездорожья, по которому они шли за повозками и радовались, когда на хлебоприемном пункте в закрома государству высыпали последний мешок первого коллективного урожая.

Это самые светлые воспоминания хлеборобов. Праздники забываются. И всегда помнится самое трудное, ибо здесь и есть крупицы большого незаметного в повседневной жизни подвига. И каждый из ветеранов Смолино совершил свой большой и славный подвиг — подвиг труда.

И началом рождения подвига каждого является 1931 год. Год коллективизации, организации колхоза, битвы за первый коллективный урожай. Этот год был одной из светлых страниц жизни села Смолино.

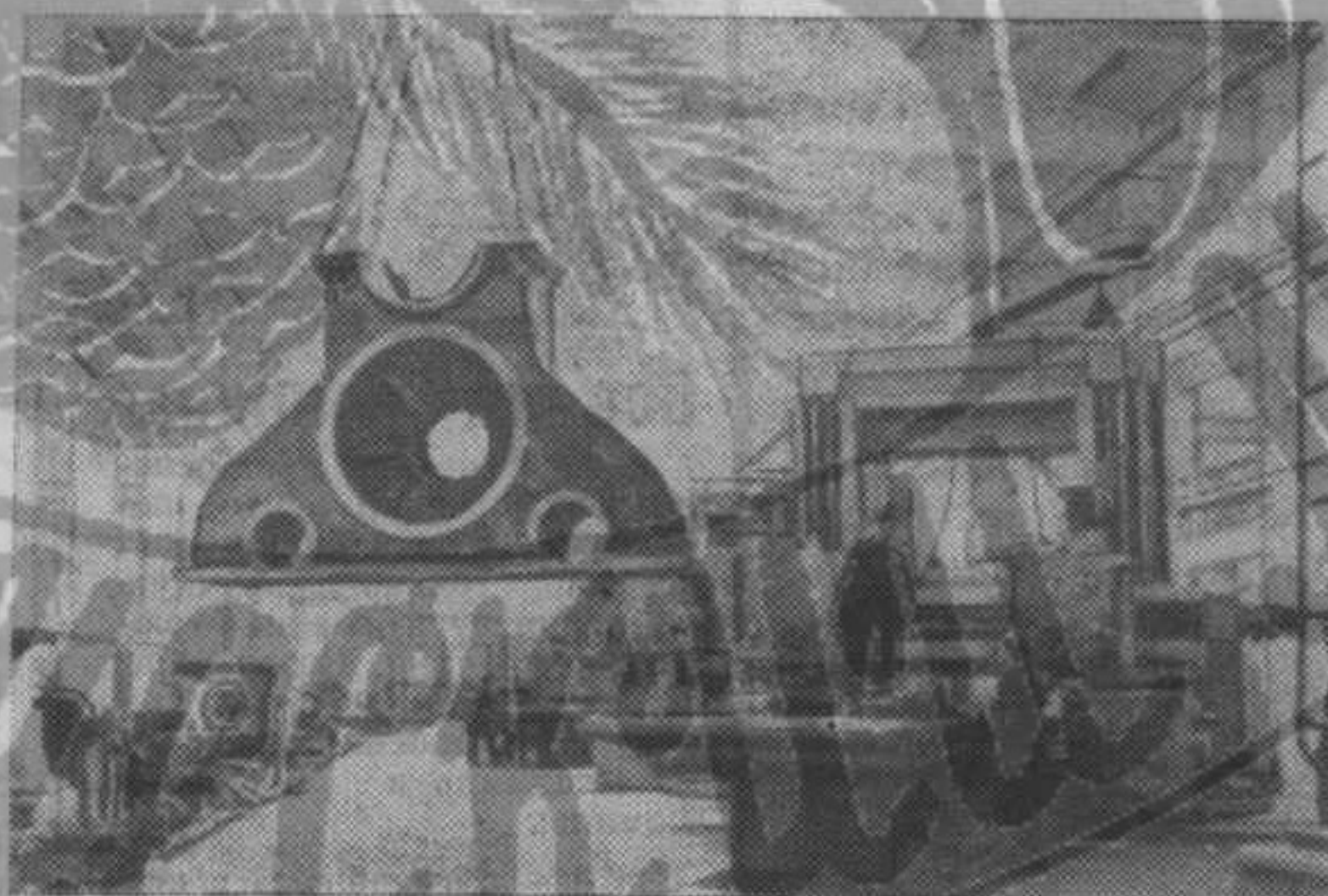
(Продолжение следует).

УДМУРТСКАЯ АССР, «Ижтяжбуммаш». Его огромные корпуса раскинулись в пригороде столицы республики Ижевске. Здесь выпускают бумагоделательные машины. Первое детище предприятия отправлено Пермскому бумажному комбинату, где идет сейчас сборка этого агрегата. Судить о его размерах можно хотя бы по тому, что для перевозки его потребовалось несколько железнодорожных составов.

НА СНИМКЕ: в механическом цехе «Ижтяжбуммаш» изготовляют крупные части и детали для широкоформатной бумагоделательной машины.

Фото Е. Загуляева.

Фотохроника ТАСС.

(Окончание.
Начало в № 85, 86)

Страница третья

Неузнаваемо изменилось Смолино за десять лет. Каждый год земля давала высокие урожаи. Повышался жизненный уровень колхозников. На дворе колхоза появились комбайны, газогенераторные тракторы, сеялки, молотилки, сенокосилки и другой сельскохозяйственный инвентарь. Из года в год колхоз выполнял и перевыполнял обязательства поставок государству, продуктов сельского хозяйства.

В колхозе выросли свои специалисты, выросли настоящие мастера. Несколько человек были удостоены высокого звания ударников колхозного производства. Среди этих первых маяков был и Степан Федорович Иванов, Матрена Фоминична Щитова, Ольга Михайловна Смолина и многие другие.

Эта весна пришла необычно рано. До мая стояли жаркие погожие дни. И сразу же после праздника выехали сеять. Земли в ту весну прибавилось. Из года в год колхозники отвоевывали се у окружающего леса. Сейчас, как говорят старые колхозники, в Смолино пахотной земли стало в два раза больше, чем в 1931 году. Основную ее часть освоили еще в первые десять лет существования колхоза.

Посевную закончили раньше срока. Люди радовались дружным всходам на полях, благоприятной погоде. Все силы в колхозе были брошены на подготовку к сенокосу. В кунице шла большая работа. Механизаторы и кузнецы ремонтировали и готовили технику, шумели моторы комбайнов и тракторных двигателей. В этот день не было никаких праздников и, несмотря на то, что было вос-

кресенье, работа не останавливалась, все шло своим обычным ходом. А в это время через нашу границу шла черная лавина танков с фашистской свастикой. За родную землю погибали героические защитники Бреста, от первых разрывов бомб рушились целые кварталы Львова, Киева, Севастополя и многих других городов.

Началась Великая Отечественная... О ней в Смолино узнали только поздним вечером, когда почти все разошлись по домам, уставшие после большого трудового дня. А ровно через сутки всем селом провожали первых на фронт односельчан. Уходили каждый день. На второй день войны Смолино проводило четырнадцать своих лучших сыновей. Среди них

Ю. ПАНОВ.

Страницы жизни села

были Николай Раздвев, Андрей Семенов, Сергей Бобров, Степан Щитов.

В первый год войны только Матрена Фоминична Щитова проводила трех сыновей: Павла, Николая и Федора. Позднее ушли Никифор Смолин, Александр Боровиков, Степан Иванов.

Смолинские мужики были разбросаны по всем фронтам. Маленькие треугольнички в фронтовых писем со штемпелем полевой почты шли из под Ленинграда, с полей Подмосковья, с берегов Волги и Дальнего Востока, от героических защитников Одессы и Севастополя. И в самый грозный 1941 год многие матери и жены получили желтые листки похоронных, которые начинались: «Ваш муж... героически сражаясь за свободу и независимость нашей Родины погиб...» Это были самые тяжелые вести в далекий и глухой тыл. Большое горе приходило почти в каждый дом и переживалось всеми вместе.

Из мужиков в селе оставались только старики. В поле выходили все. Вместе со ста-

риками от зари до зари на равных трудились еще совсем юные мальчишки. Вместе с матерями работали осиротевшие дочери. Фронт требовал и работники тыла были постоянно на передовой в борьбе за хлеб и другие продукты сельского хозяйства.

Высоких показателей в работе в те самые трудные годы добивались Анфиса Смолина, Елена Иванова, Авдотья Щитова, Мария Реховская и многие другие — славные женщины деревни Смолино. С фронта из-за своей старости вернулся первый бригадир Степан Федорович Иванов. И он, как и другие вернувшийся с фронта, сразу же включился в работу. За плечами стояли мальчишья. И среди них будущий механизатор, а потом брига-

дир полеводческой бригады Петр Смолин, лучший механизатор колхоза «Рассвет» Николай Могачев и многие другие — будущие хлеборобы и животноводы Смолино.

А сил в колхозе не хватало. Дети, старики и женщины, несмотря на героические трудовые подвиги, не смогли заменить ушедших на фронт мужиков. Как и каждое село в те годы, Смолино очень заметно изменилось. пошатнулось его хозяйство, снизились довоенные показатели работы в на полях, и на фермах. Но люди не падали духом. И в эти грозные годы они не утратили надежд на лучшее будущее, в скорую победу над фашизмом. Знакомые всем за годы войны треугольнички приходили уже со штемпелями знакомых городов.

Многое помнится женщинам Смолино за годы войны. Ведь основная работа легла на их плечи. Работать приходилось круглыми сутками. И в поле, и дома.

Фронт требовал и многие жизни. На полях войны за родную землю пало более ста человек из Смолино. За

несколько дней до победы под Берлином погиб Николай Щитов. Это один из трех сыновей Матрены Фоминичны Щитовой. Погибли Николай и Петр Боровиковы...

Многие женщины Смолино и до сих пор часто смотрят на дорогу в родное село. Появится незнакомец у ворот деревни и на миг остановится сердце поседевшей за трудные годы женщины-матери. Ласковым взглядом проводит она незнакомца, пока он не скроется за каким-нибудь переулком, грустно вздохнет и задумается.

Нет, не вернулись многие и до сегодняшнего дня, не подали о себе вести многие сыновья Смолино. Но свято хранят память о них в каждом доме. О них вспоминают и в грустные дни и в самые

О Ч Е Р К

рабочие за праздничным столом. На самых видных местах вывешены в домах пожелтевшие от времени фотографии под стеклом, в рамке. Это люди в военной форме с суровым взглядом и выгоревшей гимнастерке. И рядом другие — юные, улыбающиеся лица в форме современных солдат — это сыновья не вернувшихся. В верные руки их отцы передали эстафету защитников Октября. Свято несут они эстафету боевых и трудовых традиций своих односельчан.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. Об этом мы читаем каждый день в газетах, об этом каждый день говорят на разных языках в эфире. Многие и многих помнят в Смолино, и сейчас, но очень обидно, что до сих пор у них и во многих других селах еще нет памятника с именами лучших людей села. Это для тех, кто родился в первый год войны, которые никогда не видели своих отцов и для тех, кто делает сейчас свои первые шаги по земле, на которой строили и за которую погибли наши отцы. О тех, кому выпало самое

трудное и кому не довелось дожить до наших больших и малых праздников, мы поем песни, пишем книги, создаем памятники. Такие памятники должны быть не только в Смолино, но и в каждом селе нашего района и самого центра. Именно сейчас — в год 50-летия Великого Октября они уже должны нам напоминать каждый день о тех, кто передал нам свою эстафету, не дожив до наших дней.

Многие ветераны колхозного производства и Великой Отечественной войны с первых дней возвращения в родное село приступили к большой и трудной работе по восстановлению хозяйства Смолино. Эти годы — тоже одна из славных страниц истории этого села. Многие предстояло начинать заново.

До сих пор не покидают своей работы скотник Петр Андреевич Семенов, Лидия Григорьевна Семенова, Ольга Михайловна Смолина, Вера Оверина и многие другие ветераны колхоза. Как и в те далекие годы в работе они впереди. Пять лет работает с молодымком П. А. Семенов. И все эти годы он добивается самых высоких привесов в Смолинской бригаде колхоза «Рассвет». Лучшим трактористом этого колхоза давно признан Николай Могачев. За высокие показатели во время посевной кампании был премирован туристической путевкой по Советскому Союзу. Отличных результатов в эти дни добивается агрегат тракторных сенокосилок, возглавляемый механизатором А. Д. Щитовым. Хороший урожай кукурузы в этом году думает собрать и опытный механизатор Николай Иванович Щитов.

Перечисленные здесь ветераны колхозного труда далеко не все, кто и сейчас продолжает трудиться на полях и фермах колхоза. Они и сейчас продолжают писать славную летопись замечательных страниц истории своего села. А вместе с ними трудятся и те, кому предстоит еще внести в эти страницы свои строки трудовых подвигов.

Усть-Ишим — Смолино.